

УДК 355:94 “1939/1945”

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: НА ОСТРИЕ ДИСКУССИЙ

О.Л. Малышева, кандидат исторических наук, доцент Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета

Годы отделяют нас от Великой Отечественной войны, но дискуссии вокруг основных ее событий только набирают оборот. В нашей стране акцент делается на трагедии 1941 г. При этом предыстория и начальный период Великой Отечественной войны дают нам так много разноречивых фактов и сведений, что они становятся доказательной базой для многообразных, часто взаимоисключающих, версий. Сегодня наиболее растиражированными являются следующие версии.

Версия 1 – Сталин сам готовил войну против Германии и Гитлер просто опередил его. Этот миф был впервые изложен в ноте министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 г. Почти 50 лет он был не востребован, но в постсоветское время его реанимировал Владимир Резун, пишущий под псевдонимом Виктора Суворова и ставший автором нашумевших книг «Ледокол», «День-М», «Последняя республика». Версия о превентивной войне была подхвачена М.И. Мельтюховым, М. Солониным, А. Шубиным, В. Даниловым, В. Невежиным. В незначительных деталях перечисленные авторы могут быть не согласны с Резуном (Суворовым), но общий знаменатель один – превентивная война СССР. Так, М. Солонин настаивает на наступательной направленности стратегического развертывания Красной Армии, которое должно было завер-

шиться «не к 22 июня, а к другой дате. К одному из дней июля 1941 года...»¹. В доказательство своей версии Солонин приводит расширенное заседание 24 мая 1941 г. в кабинете Сталина, на котором присутствовало все высшее командование РККА. Встречи такого формата не проводились вплоть до начала войны, и это позволяет сделать Солонину вывод: «С очень большой долей достоверности можно предположить, что на этом, явно неординарном совещании утвержденный Сталиным план войны был доведен до сведения командования западных округов»². «Абсолютная завеса секретности, которой окутана тайна этого совещания»³, едва ли может служить достаточным доказательством гипотезы Солонина, но именно на нее автор и ссылается. Впрочем, приводятся и другие аргументы. Это сосредоточение пяти мехкорпусов и тяжелой артиллерии в районе Львовского и Белостокского выступов, откуда прямая дорога на Краков и Варшаву, «отсутствие приказа на введение в действие плана прикрытия», реализация которого мешала «нанести внезапный сокрушительный удар по немецким войскам»⁴. Однако даже сторонники превентивного удара вынуждены считаться с тем, что «соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на западе и востоке на 1940 и 1941 гг.» от 18 сентября 1940 г., как и другие документы военного пла-

нирования, говорят о наступательных намерениях противника. А значит, «советский удар нельзя нанести просто так, без учета угрозы нападения врага. И это – проблема для «наступателей», – пишет А. Шубин⁵. Впрочем, вслед за М. Солониным А. Шубин видит в стратегическом планировании ключ к разгадке трагедии 1941 г. По его мнению, Сталин ждал сосредоточения у границ с СССР наступательной группировки немецких войск, находящихся в стадии развертывания, чтобы нанести по ним сокрушительный удар. «Сталин стремился к тому, чтобы дождаться сосредоточения врага. Но если дождаться не выйдет – придется бить самим. Но это было уже не так выгодно Сталину, как рассчитанный контрудар... Сталин вероятнее всего имел и предельный срок, к которому Красная армия должна была ударить в любом случае, чтобы успеть до зимы. Например, 1 августа... или, скажем, 1 сентября, к началу осени (чтобы завершить кампанию к зиме)», – пишет А. Шубин⁶. Однако Гитлер, недооценив военную мощь СССР, сосредоточил для наступления слишком мало сил и Сталин не считал наступательную группировку немцев настолько опасной, чтобы ударить по ней. К тому же Сталин не верил, что Гитлер решится на блицкриг. Вновь вероятностный характер рассуждений автора, при котором под логическую схему подбираются одни факты при игнорировании других.

С критикой версии превентивного удара выступили А.В. Исаев⁷, С. Кремлев⁸, В. Литвиненко⁹, О.В. Вишнев¹⁰, доказывая передегеривание и подтасовку фактов, на которых строятся умозаключения «наступателей». При этом приводятся следующие аргументы:

– Доказательством об отсутствии намерения Гитлера нападать на СССР Суворов считает то, что Гитлер не заготавливал для армии бараньи тулупы и не перевел ее боевую технику на использование морозостойких смазок. В действительности отсутствие зимнего обмундирования и морозостойких сма-

зок в гитлеровской армии имело совсем другую причину – план «Барбаросса» предусматривал «блицкриг», и Гитлер вовсе не собирался воевать зимой. Гудериан вспоминал: «Предполагалось, что военная мощь России будет уничтожена еще до наступления осенней распутицы... По этой причине запасы зимнего обмундирования ограничивались из расчета, что на каждые пять человек потребуется только один комплект»¹¹.

– Об агрессивных намерениях СССР, по мнению сторонников превентивного удара, говорит расформирование Днепровской военной флотилии в 1940 г. и создание на ее базе Дунайской и Пинской флотилий с целью подготовки к походу на Румынию – «нефтяное сердце» Германии. Эти флотилии якобы нельзя было использовать для обороны, значит они – орудие агрессии. Но факты говорят о другом: Пинская военная флотилия приняла активное участие в боевых действиях в Полесье, под Бобруйском, Гомелем, в обороне Киева. Большинство кораблей погибло, заметим, в оборонительных боях.

– Важным аргументом «наступателей» является численный рост Советской Армии. Но он был обеспечен введением всеобщей воинской повинности уже 1 сентября 1939 г. Реформа позволяла в зависимости от ситуации то наращивать, то уменьшать размеры армии. В. Суворов считает, что реформа 1939 г. означала не что иное, как скрытую мобилизацию – армия выросла до 5 млн. Это потому, что Сталин уже в августе 1939 г. задумал напасть на Германию. Если на Германию не напасть, то «небывалый призыв 1939 г. предстоит отпустить по домам»¹².

Однако призыв 1939 г. распустили по домам уже после Польской кампании. По завершении советско-польской войны армия была сокращена с 528400 человек до 3273400 человек. А потом снова возросла во время советско-финской войны. Таким образом, с 1939 г. армия неоднократно сокращалась. При этом в случае войны по завершении полной мобилизации Вооруженные

силы СССР должны были составить 8,9 млн. человек¹³.

— Практически все «наступатели» утверждают, что советские войска выстраивались именно в наступательную группировку, причем масштаб перемещений войск был таков, что развернуть эту махину в обратном направлении было практически невозможно.

Однако ситуация была иной. Советские войска были рассредоточены по всей границе тонкой ниткой. Более того, ни один из мехкорпусов не находился в первом эшелоне. Все они были в тылу и удалены от границы зачастую на сотню километров. Мехкорпуса не были объединены в ударные группировки, напротив каждой армии прикрытия подчинено по мехкорпусу. Очевидно, их предназначение — контрудар и ликвидация возможного прорыва противника. Подобным образом войска располагаются в обороне. А. Исаев реконструирует плановый сценарий вступления СССР в войну с Германией: в период нарастания политической напряженности в отношениях с соседом войска приграничных округов постепенно усиливаются. В определенный момент, когда сохранять приготовления в тайне становится невозможным, нажимают «красную кнопку» и открыто объявляют мобилизацию. При этом обе стороны еще находятся в состоянии, когда ударные группировки у границы с соседом не сформированы. В приложении к реальным событиям 1941 г. это означает объявление мобилизации примерно 10 июня. Соответственно, до завершения сбора сил у границы стороны будут подвозить войска к границе, обмениваться авиаударами и совершать мелкие вылазки на территорию противника. Кто первым закончит формирование ударных группировок, тот первым перейдет в наступление.

Наряд сил на первую операцию состоял из трех групп:

— армии и подчиненные им соединения, постоянно находившиеся у границы;

— стрелковые корпуса, постоянно дислоцированные в глубине территории особого (приграничного) округа;

— армии внутренних округов¹⁴.

Немецкую армию встретили войска, дислоцированные у границы. При этом нацисты обладали одной, но плотной линией войск против трех тонких советских, разделенных сотней и более километров. Наконец, едва ли следует игнорировать свидетельства и с той стороны. После войны побежденные немецкие фельдмаршалы и генералы принялись за мемуары, в которых старались обелить свои действия, но никто из них даже не пытался оправдать нападение на СССР его агрессивностью в 1941 г. Генерал-фельдмаршал фон Манштейн, генерал полковник Гот, бывший начальник разведывательного управления генерального штаба германских сухопутных сил генерал пехоты Курт фон Типпельскирх писали о невероятности стремления СССР к вооруженному конфликту с Германией по политическим и военным соображениям, отмечали, что советские войска были так глубоко эшелонированы, что при таком их расположении были готовы только для ведения обороны.

Ну а что касается красной кнопки, то для того, чтобы нажать ее вовремя, требовались весомые основания. «Нажатие «красной кнопки» в мае 1941 г. таило угрозу попадания в щекотливую ситуацию: войска собраны, армия мобилизована, а противник не нападает. Что здесь прикажете делать? Нападать первыми? Возвращать армию в места постоянной дислокации? Последний вариант опасен тем, что противник, во-первых, может-таки напасть согласно собственным планам, а во-вторых, может запустить ответный процесс и также оказаться у границ с развернутой и мобилизованной армией»¹⁵. Сталин в 1941 г. находился в сложной ситуации. С одной стороны, опасность оказаться с неотмобилизованной и недоразвернутой армией вынуждала реагировать на любые изменения в обстановке. С другой стороны, проведение мобили-

зации и масштабных мероприятий по созданию на Западе группировки сил для первой операции могло привести к вступлению в войну без весомых на то оснований.

— Особое внимание Резун (Суворов) уделяет техническим аргументам, которые специалисты в области истории военной техники подвергли обструкции за их легковесность. Он то и дело принимает за чисто наступательное оружие технику двойного назначения. Это касается, например, танка БТ, который имел съемные гусеницы. На германских автострадах они должны были скинуть гусеницы и автомобильным порядком двигаться до Берлина. Однако СССР от германских автострад отделяла Польша, которая хорошими дорогами похвастаться не могла.

Такая же ситуация сложилась у Суворова с другими образцами «оружия победы». Самолет СУ-2, танки Т-34 и КВ были не чисто наступательным оружием и уж совсем не лишними в обороне.

Версия 2 была предложена А.Н. Осокиным. Ее суть: «Внезапное нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. — превентивный удар Германии не по противнику, готовившемуся напасть, а по союзнику, вместе с которым, координируя свои действия, готовились к удару по третьей стране — Англии. Причем по союзнику, практически безоружному — не имеющему в частях боеприпасов и горючего, разоружившему (наверняка тоже в соответствии с договоренностью) укрепрайоны на старой границе»¹⁶. В силу договоренностей с Гитлером, Сталин был спокоен и уверен в том, что Гитлер по СССР не ударит. Концентрация советских войск на границе объясняется Осокиным тем, что они вскоре в эшелонах должны направиться через Европу к Ла-Маншу, чтобы участвовать в совместной десантной операции в Англии. Но Гитлер обманул Сталина, решив вначале покончить с Россией, а затем с Англией. Как и в предыдущих версиях, ссылок на источники нет, но это объясняется автором просто: дого-

воренности секретные, какие уж здесь документы.

А. Осокина также прибегает к сравнению технических характеристик. Он пишет о «плавающих» легких разведывательных танкетках Т-37 и Т-38, которые с его точки зрения должны были легко преодолеть Ла-Манш (морской пролив шириной 35–150 км), об истребителях МиГ-3, имевших статический потолок 7 км. А ведь «на такой высоте летали не немецкие, а английские бомбардировщики». Но это не совсем так, или, правильнее, совсем не так. Английские бомбардировщики «Веллингтон» и «Стирлинг» были маловысотными. Их статический потолок соответственно 5500 и 5200 метров. К тому же для перехвата бомбардировщика вполне хватило бы потолка любого истребителя.

Гипотеза А. Осокина, как и сторонников превентивного удара, является яркой и красиво скроенной, но бездоказательной. Между тем они также выводят нашу страну из числа победителей в Великой Отечественной войне и приводят в стан агрессоров — ведь сами наступать собирались, просто не успели либо были обмануты коварным «соратником» в лице Гитлера.

Версия 3. Игнорирование разведывательных данных Сталиным, что и привело к трагедии 1941 г. Версия эта, появившись во времена Хрущева, и сегодня находит сторонников. Так, Г. Городецкий пишет: «В распоряжении Сталина находились точные разведывательные данные о развертывании и намерениях немецких войск, полученные из различных источников»¹⁷. В книге «Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз» Г. Городецкий формулирует целый список претензий к Сталину: «Сталин просто-напросто отказывался воспринимать сообщения разведки... Сталин не разрешил военным приступить к осуществлению планов обороны... Сталин оставался глух к просьбам Жукова приступить к осуществлению планов развертывания... Сталин явно растерялся, но отчаянно не хотел расставать-

ся со своим заблуждением...Сталин, по-видимому, гнал прочь любую мысль о войне, он потерял инициативу и был практически парализован»¹⁸. Ему вторит А.Бугаев, задавая вопросом: «Как же это всевидящий и непогрешимый друг всего прогрессивного на земле, культ личности которого якобы всего лишь «повлек за собой нарушения социалистической законности», прозевал сосредоточение у границ своего государства ударной группировки кровавого маньяка? И где же были остальные, олицетворявшие собой ум, честь и совесть нашей эпохи? Ответа нет»¹⁹. Впрочем, у Сталина в наше время появились «адвокаты» в лице сторонников превентивного удара. Так, М. Солонин пишет, что Сталин был абсолютно логичен в своей оценке сил противника, который не имел превосходства «в численности, в огневой мощи, в танках и авиации...У них не было даже минимального численного превосходства. Более того — наступающие (немцы) в разы уступали в численности обороняющимся»²⁰. Логика и здравый расчет, по мнению Солонина, и подвели Сталина, который «не смог предугадать, предусмотреть, поверить в то, что его огромная, оснащенная лучшим в мире вооружением армия — это всего лишь вооруженная толпа будущих дезертиров и военнопленных»²¹. Близка позиция и А. Шубина, который, констатируя неполноту и противоречивость разведывательных данных, говорит о переоценке Сталиным сил противника и сожалеет, что «Сталин допустил трагическую ошибку с датой удара. Если бы он не промедлил, а ударил за десять дней до нападения Гитлера, то вермахт попал бы под такой же сокрушительный удар, как Красная армия в реальности десять дней спустя»²².

Действительно, разведывательные данные были неточными и неполными, зачастую перемежались с дезинформацией, что не мешает некоторым исследователям вытаскивать из них цитаты в доказательство недалекости Сталина. При этом игнорируется весь документ в целом, который сводит на

нет версии, возлагающие всю ответственность за трагедию 1941 г. на Сталина. Примером может служить сюжет с сообщением источника в штабе германской авиации — Корсикаца. На донесении Сталин наложил нецензурную резолюцию, которую с удовольствием подхватила постсоветская историография. При этом документ полностью чаще всего историками не цитируется. А зря. Стала бы понятна резкость суждений Сталина, который усомнился, что «авторемонтные мастерские в Москве» и электростанция в Карелии («Свирь-3») могут стать объектами первого удара люфтваффе. Во-первых, это были второразрядные объекты; во-вторых — их удаленность от аэродромов немецкой бомбардировочной авиации до Москвы составляла более тысячи километров. А это значит, что немецкие бомбардировщики без истребительного прикрытия и с минимальным количеством бомб должны были провести над территорией страны с действующей системой ПВО целых шесть часов. Пример это не единственный. При этом следует учитывать, что Гитлер не раз неожиданно даже для окружения менял сроки реализации собственных приказов. Сроки наступления на Западном фронте в 1940 г. изменялись Гитлером более 20 раз.

Весьма интересна и правдоподобна точка зрения С. Кремлева²³, который отстаивает версию многоступенчатого зондажа, который провел Сталин накануне войны. В свете этого зондажа в истинном свете выглядит и заявление ТАСС от 14 июня 1941 г. о соблюдении СССР и Германией пакта о ненападении. Сталин заявлением ТАСС от 14 июня как бы предварял все последующие свои шаги. 18 июня 1941 г. он обращается к Гитлеру о срочном направлении в Берлин Молотова для взаимных консультаций, на что Гитлер ответил отказом, что означало одно — близость войны. Третьей фазой стала срочная воздушная разведка приграничной зоны с немецкой стороны, проведенная полковником Захаровым, который командовал 43-й истребительной авиа-

дивизией Западного Особого военного округа. С. Кремлев приходит к выводу, что Сталин был уверен в ближайшем начале войны уже 18 июня 1941 г., так как провел личный стратегический зондаж намерений Гитлера и перепроверил его результаты информацией полковника Захарова.

Версия 4. Сталин бросил страну на произвол судьбы и отсиживался на даче в Кунцево. Родоначальником этой лжи был Хрущев, написавший в своих «Воспоминаниях», что когда Сталину «стали докладывать о победоносном продвижении гитлеровских войск, тут-то открыто проявилось то, что он скрывал от всех, — его панический страх перед Гитлером. Сталин выглядел старым, пришибленным, растерянным... Уехал к себе на дачу, а потом некоторое время никого не принимал»²⁴. Это свидетельство, легко опровергаемое, и сегодня многими воспринимается как аксиома. И это при том, что сегодня, пусть и мизерным тиражом, опубликован «Журнал посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете». Анализ этого документа показывает, что 22 июня 1941 г. он принимал людей одиннадцать часов

подряд, почти сутки он находился на рабочем месте 23 июня, 5 часов 10 мин. — 24 июня, целые сутки — 25 июня. В первый же день войны на приеме у Сталина побывали Молотов, Берия, Тимошенко, Мехлис, Жуков, Микоян, Каганович, Ворошилов, Шапошников, Ватутин и другие, впрочем не опровергнувшие ставшую расхожей с легкой руки Хрущева ложь.

Во всех вышеназванных версиях видится настойчивое желание внедрить идеи-вирусы (выражение С. Карамурзы), которые способны поколебать безусловное восприятие Победы как достижения страны и советского народа. Накануне юбилейной даты 65-летия Победы вновь актуальными являются слова В.В. Путина о порочности переписывания истории в угоду политической конъюнктуры: «Историческое полотно — это не дешевая репродукция, которую можно халтурно подретушировать. По желанию заказчика — убрать то, что не нравится или изменить тон, добавив светлых или темных красок. К сожалению, с подобными примерами перелицовки прошлого нередко приходится сталкиваться в наши дни»²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Солонин М. Фальшивая история Великой войны. — М., 2008. — С. 69.

² Солонин М. Фальшивая история Великой войны. — М., 2008. — С. 75.

³ Там же. С. 76.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Шубин А. Клещи Сталина // Трагедия 1941. Причины катастрофы: сборник. — М., 2008. — С. 232.

⁶ Шубин А. Клещи Сталина // Трагедия 1941. Причины катастрофы: сборник. — М., 2008. — С. 242.

⁷ Исаев А. Примитивная сложность катастрофы // 1941. Великая Отечественная катастрофа. Итоги дискуссии. — М., 2009. — С. 5–31.

⁸ Кремлев С. 10 мифов о 1941 годе. — М., 2009.

⁹ Литвиненко В. Правда сталинской эпохи. — М., 2008.

¹⁰ Вишлев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. — М., 2001.

¹¹ Итоги Второй мировой войны. — М., 1957. — С. 117.

¹² Суворов В. День-М. Когда началась Вторая мировая война? — М., 1994. — С. 150.

¹³ Шубин А. «Клещи» Сталина // 1941. Великая Отечественная катастрофа. Итоги дискуссии. — М., 2009. — С. 688.

¹⁴ Исаев А. Примитивная сложность катастрофы // 1941. Великая отечественная катастрофа. — М., 2009. — С. 12.

¹⁵ Исаев А. Примитивная сложность катастрофы // 1941. Великая отечественная катастрофа. — М., 2009. — С. 15.

¹⁶ *Осокин А.* 22 июня 1941 года: новая версия // Трагедия 1941. Причины катастрофы. – М., 2008. – С. 124.

¹⁷ *Городецкий Г.* Миф «Ледокола». – М., 1995. – С. 17.

¹⁸ *Городецкий Г.* Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. – М., 2001. – С. 340.

¹⁹ *Бугаев А.* День «Н» – Неправда Виктора Суворова. – М., 2007. – С. 24.

²⁰ *Солонин М.* Фальшивая история Великой войны. – М., 2008. – С. 65.

²¹ Там же. С. 67.

²² *Шубин А.* «Клещи» Сталина // Трагедия 1941-го. Причины катастрофы: сборник. – М., 2008. – С. 241.

²³ *Кремлев С.* 10 мифов о 1941 годе. – М., 2009.

²⁴ *Хрущев Н.С.* Воспоминания. – С. 239–240.

²⁵ www.premier.gov.ru

Аннотация

В статье дается характеристика наиболее острых и дискуссионных вопросов истории начального этапа Великой Отечественной войны, споры по которым не затихают и сегодня. Автор обстоятельно анализирует и разоблачает мифы и версии, распространяемые отдельными псевдоисториками, призывает противостоять подобным ревизионистским попыткам заново «переписать» историю, чтобы не допустить искажения исторической памяти о войне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, дискуссионные вопросы, превентивный удар, ревизия итогов войны.

Summary

The article deals with the characteristics of the most controversial points about the history of the initial stage of the Great Patriotic War. Debates on this topic do not subside even nowadays. The author thoroughly analyses and exposes myths and versions disseminated by some pseudo-historians and urges to resist such revisionist attempts to «rewrite» the history not to allow distortion of the historic memory about the war.

Key words: the Great Patriotic War, controversial points, preventing blow, revision of war results.